

рый, кстати, участвовал в работах Васнецова по украшению Владимирского собора в Киеве.

Пробиться через нарочито затрудненный синтаксис Добролюбова непросто. «Васнецов, т. е. Кривошеин» — это, видимо, иронический намек на дружбу Васнецова с будущим министром земледелия, который с конца 1888 года работал в Польше комиссаром по крестьянским делам и, скорее всего, там познакомился с отцом Добролюбова, служившим в должности неперменного члена Варшавского присутствия по крестьянским делам. При этом в письме речь идет о руках Иисуса на известной картине Васнецова «Богоматерь с младенцем», созданной в 1889 году после завершения работ во Владимирском соборе и подаренной профессору Санкт-Петербургского университета историку искусства Адриану Викторовичу Прахову и его жене Эмилии Львовне: «На этой картине, написанной с фрески Владимирского собора, Иисус действительно широко раскидывает руки. Традиционно это интерпретировалось как благословение, однако Добролюбов акцентирует внимание на неестественности, с его точки зрения, этого жеста, как и на неестественности цветов картины. Пожалуй, здесь уже в чем-то заложено его будущее противостояние официальному христианству как противостояние разума и здравого смысла мертвому обряду (достаточно вспомнить его иконоборчество, а также случай, когда Добролюбов и его последователи отказались обнажать голову перед похоронной процессией, не видя смысла в том, чтобы «снимать шапки перед мертвецом»)».²³

Но это уже будет другой Александр Добролюбов.

²³ Пругавин А. Декадент-сектант. Часть 3 // Русские ведомости. 1912. 13 дек. С. 2.

DOI: 10.31860/0131-6095-2018-3-186-196

© О. Р. Демидова

ОТ «МИРА ИСКУССТВА» К «НОВОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ»: РОССИЙСКИЙ ПЕРИОД Д. В. ФИЛОСОВОФА

По справедливому мнению российского исследователя, «из прославленного триумвирата Мережковский — Гиппиус — Философов третьему участнику, Дмитрию Владимировичу Философову, повезло меньше других»: ¹ в восприятии значительной части современников ему суждено было остаться в тени своих старших единомышленников. Зафиксированная в розановском «Мимолетном» оценка Философова как писателя «без слов, без мыслей. Без чего-либо „своего“», у которого «все — Мережковского и „Зины“», ² определила место Философова в актуальной и мемориальной иерархии русской культуры Серебряного века и — в известной степени — отношение к нему академического сообщества последующих десятилетий. Дореволюционные сборники статей Философова «Слова и жизнь» (1909), «Неугасимая лампада» (1912), «Старое и новое» (1912), в которые автор включил 64 из нескольких сотен статей, опубликованных в периодике, были переизданы в России

¹ Коростелев О. А. Литературная критика Дмитрия Философова // Философов Д. В. Критические статьи и заметки. 1899—1916 / Сост., предисловие и прим. О. А. Коростелева. М., 2010. С. 3.

² Розанов В. В. Когда начальство ушло... / Сост. П. П. Апрышко и А. Н. Николюкин. М., 1997. С. 387.

лишь в 2004 году, спустя более полувека после его смерти;³ еще через несколько лет вышло в свет собрание, объединившее 88 из его работ, посвященных литературе и сохранивших актуальность до наших дней.⁴

Между тем художественная, критическая, публицистическая и общественная деятельность Философова составляла весьма существенную часть общекультурного процесса России конца XIX и первых десятилетий XX века. Сотрудничая во многих периодических изданиях различной эстетической и идеологической ориентации, он участвовал во всех основных литературных полемиках своего времени⁵ и откликался на все острые вопросы.⁶ Кроме того, он стал одной из центральных фигур нескольких экспериментальных культурных проектов, вошедших в историю эпохи и в значительной мере определивших ее лицо: объединения (кружка) «Мир искусства» и издававшегося им журнала;⁷ Религиозно-философских собраний, ставших первой попыткой практического воплощения мечты Мережковских о «новом религиозном сознании» и Церкви Третьего Завета,⁸ и Религиозно-философского общества (с 1907 года — член Совета, с 29 ноября 1909 года — председатель);⁹ «тройственного союза», или «требратства», воплотившего идею Гиппиус о тробратности и представляющего собой один из первых опытов создания альтернативной модели семейной жизни.¹⁰ Учитывая несомненную утопичность лежащих в основе каждого из проектов намерения, возможно рассматривать российский период жизни Философова в режиме поступательного движения от утопии эстетического порядка к утопии религиозной и эротической, от утонченного аристократи-

³ *Философов Д. В.* Загадки русской культуры / Сост. и прим. Т. Ф. Прокопова. М., 2004 (издание стало библиографической редкостью).

⁴ *Философов Д. В.* Критические статьи и заметки. Издание снабжено «Материалами к библиографии», основанными на картотеке А. Д. Алексеева и фронтальном просмотре комплектов более чем двадцати дореволюционных российских периодических изданий, в которых сотрудничал Философов.

⁵ Подробнее об этом см.: *Коростелев О. А.* Литературная критика Дмитрия Философова. С. 11—19.

⁶ О сотрудничестве Философова в российской периодике см.: Там же. С. 8—11.

⁷ О «Мире искусства», например, см.: *Шруба М.* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890—1917 годов: Словарь. М., 2004. С. 120—121 (с подробной библиографией вопроса).

⁸ Основные положения утопической концепции о Царстве Третьего Завета были сформулированы Мережковским в сочинении «Религия духа или чистого разума» (1890-е годы), а возникновение идеи «Новой Церкви» Гиппиус относил к 1899 году. Фактически Третий Завет означал преодоление христианства и государства как его основного орудия, а мысль о Третьем Завете явилась очередной попыткой в ряду характерного для русской утопической традиции стремления примирить любовь, религию и общественность посредством внедрения в российское интеллектуальное пространство идеи так называемого «нового религиозного сознания», включенной в концепцию Новой Церкви в 1905 году, после начала Первой русской революции. В соответствии с концепцией Мережковских, пробудить в людях «новое религиозное сознание» должны были представители русской интеллигенции («аристократы мысли» в платоновском понимании или люди «первого сорта», по выражению Философова). Практическое воплощение концепция Третьего Завета получила в Религиозно-философских собраниях, проходивших в Петербурге с 29 ноября 1901 года вплоть до запрета их указом Синода 2 апреля 1903 года. Подробнее о Религиозно-философских собраниях см.: *Матюшина И. И.* Интеллигенция в России на рубеже XIX—XX вв.: К истории Петербургских Религиозно-философских собраний // История российской интеллигенции. М., 1995. Ч. 1. С. 99—100; Записки Петербургских Религиозно-философских собраний (1901—1903) / Общ. ред. С. М. Половинкина. М., 2005.

⁹ О деятельности Философова в Религиозно-философском обществе см.: *Коростелев О. А.* Литературная критика Дмитрия Философова. С. 16—19.

¹⁰ Подробнее о «тройственном союзе» см.: *Матич О.* Эротическая утопия: новое религиозное сознание и fin de siècle в России. М., 2008. С. 202—218; Истории «новой» христианской любви. Эротический эксперимент Мережковских в свете «Главного»: Из «дневников» Т. Н. Гиппиус 1906—1908 годов / Вступ. статья, подг. текста и прим. М. М. Павловой // Эротизм без берегов. М., 2004. С. 391—404; *Гончарова Е. И.* «Революционное христовство» // «Революционное христовство»: Письма Мережковских к Борису Савинкову / Вступ. статья, подг. текстов и комм. Е. И. Гончаровой. СПб., 2009. С. 8—10.

ческого эстетизма с выраженной гомоэротической составляющей до призванной разрешить задачу преобразования жизни рационализированной метафизической эротики «троебрачия во Христе», преодолевающей пол, но не снимающей гендерной специфики каждого из «брачующихся». ¹¹ Очевидно, что в обоих случаях в основе лежали неприятие окружающей действительности как пошлой обыденности и предельно эстетизированное представление о собственной избранности как призванности эту действительность изменить. Истоки этой эволюции, вероятно, следует искать в той среде, из которой вышел Философов, и в складе его личности, формировавшейся под воздействием семейной атмосферы, с одной стороны, и того, что принято называть духом времени, — с другой.

Дмитрий Философов родился 26 марта 1872 года в семье прокурора военного суда, члена Государственного совета Владимира Дмитриевича Философова и известной общественной деятельницы, одной из первых русских феминисток и организаторов Высших женских медицинских курсов, вице-президента Международного совета женщин, убежденной поборницы женского образования, широко занимавшейся благотворительностью, Анны Павловны Философовой (урожд. Дягилевой). Александр Бенуа, одноклассник Философова по петербургской гимназии К. И. Мая и многолетний соратник по художественной и издательской деятельности «Мира искусства», отмечает в своих воспоминаниях, что «Владимир Дмитриевич был известен и почитаем в специальной среде, принадлежавшей к высоким рангам бюрократии, напротив, мать Димы была поистине знаменитой на всю Россию дамой, и имя ее пользовалось чрезвычайной популярностью — особенно среди передовой интеллигенции», и воспроизводит распространенный в Петербурге анекдот о том, как в одном конце казенной квартиры Философовых на Галерной улице в своем кабинете «страшный прокурор, не покладая пера, подписывал один приговор за другим: „к расстрелу“, „к расстрелу“, тем временем как в гостиной Анна Павловна принимала самых отъявленных террористов, кокетничая с ними, восхищаясь их доблестью». ¹² По мнению мемуариста, в отношении Анны Павловны эта «грубая лубочная картинка» в известной степени соответствовала истине: в годы знакомства Бенуа с семейством Философовых она, «и прежде посвящавшая немало своей энергии благотворительности и делу женского образования, теперь всецело отдавалась именно этим задачам». ¹³

При этом в философском доме царил своеобразная атмосфера утонченной культуры и «хорошего тона», «который не надо смешивать с рецептами светского приличия, а который *естественно рождался и процветал*». ¹⁴ Органичность этой атмосферы воспринималась как типическая характеристика их класса, «к которому принадлежали все главнейшие деятели русской культуры XVIII и XIX столетий, создавшие прелесть характерного русского быта. Это класс, из которого вышли герои и героини романов Пушкина, Лермонтова, Тургенева и Толстого. Этот же класс выработал все, что было в русской жизни спокойного, достойного, добротного, казавшегося утвержденным навсегда. Он выработал самый темп русской жизни, его самосознание и систему взаимоотношений между членами одного семейного „клана“. Всякие тонкости русской психологии, извилины типично русского морального чувства возникли и созрели именно в этой среде». ¹⁵

Вспоминая Философова гимназической поры, Бенуа отмечает его природный аристократизм, несомненную одаренность, пытливый ум и очевидную амбивалент-

¹¹ Ср. мнение современного исследователя о том, что «тройственный союз» «воплощал не только модернистскую Святую Троицу, но и андрогинную любовь, где Зинаиде Гиппиус принадлежала главная роль» (Гончарова Е. И. «Революционное христовство». С. 9—10).

¹² Бенуа А. Мои воспоминания: В 2 т. / Изд. подг. Н. И. Александрова, А. Л. Гришунин, А. Н. Савинов, Л. В. Андреева, Г. Г. Поспелов, Г. Ю. Стернин. М., 1993. Т. 1: Кн. I—III. С. 500.

¹³ Там же. С. 501.

¹⁴ Там же. С. 504. Курсив мой. — О. Д.

¹⁵ Там же. С. 503—504.

ность его натуры, в которой надменность и «горделивые манеры» сочетались с мягкостью и податливостью. Особенно детально автор описывает оказанное им на Философова влияние и свой несомненный авторитет в художественных вопросах: «...он в эти годы какой-то „подготовки к дальнейшему“ на все глядел моими глазами и был во всем согласен со мной. Можно сказать, что он стал моим совершенно верным учеником по вопросам живописи и других пластических художеств: он никогда со мной не спорил...»¹⁶ Из этого психологического портрета Философова-гимназиста достаточно легко вычлениются качества, которые в существенной мере определили его последующую жизнь, обусловив вызывавшие у ряда современников недоумение¹⁷ и/или неприятие повороты судьбы: при несомненной неординарности и самостоятельности личности — склонность поддаваться под влияние тех, кого он признавал для себя значимыми персонами; способность «отречься от себя прежнего» и сделаться учеником людей, которых почитал для себя авторитетом; готовность скрупулезно следовать тому, что он расценивал как свой долг; неукоснительную добросовестность и умение оставаться на вторых ролях. Именно эти качества вкупе с соответствующими обстоятельствами внешнего порядка явились причиной последовательной «смены вех»: в петербургские годы — от Бенуа к Дягилеву, от Дягилева к Мережковским, в варшавские — от Мережковских к Савинкову. И если первый поворот произошел достаточно органично в едином для всех участников культурном пространстве и не потребовал от Философова ни существенного пересмотра ценностной шкалы, ни значительных нравственных усилий, два другие предполагали отказ от некоторых прежних ценностей духовного и экзистенциального порядка и в силу этого дались ему значительно труднее.¹⁸ Вместе с тем личность и идея, под знаком которых складывалась жизнь Философова в каждую из указанных эпох, в той или иной мере определяли специфику его участия и роль в культурной жизни России.

Хронологически-событийная канва российского периода жизни Философова, включающего две из означенных эпох: «Мира искусства» и Религиозно-философских собраний — достаточно хорошо известна. По окончании гимназии в 1890 году он поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета и тогда же вместе со своими бывшими однокурсниками Бенуа, Л. Бакстом, В. Нувелем организовал студенческое «общество самообразования», впоследствии переросшее в объединение «Мир искусства» при несомненном лидерстве кузена Философова по матери С. Дягилева. По воспоминаниям П. Перцова, объединение (которое он называет кружком) «в удивительной целостности и одаренности своей коллективной

¹⁶ Там же. С. 499.

¹⁷ Ср., например, в мемуарной статье М. В. Добужинского «Круг „Мира искусства“» (1942): «Для меня всегда было странным, как такой несомненно чрезвычайно одаренный и в высшей степени образованный человек, как Философов, которому пророчили, я знаю, блестящее будущее, лучшие годы отдал, в сущности, очень скромной роли помощника Дягилева в ведении „Мира иск[исства]“. По каким-то причинам он оказался неудачником, и „Новый Путь“, который он основал с Мережковским, и его „Религиозно-философские собрания“, бывшие одно время очень популярными в Петербурге, — все это было по-своему значительным, но не на высоте тех возможностей, которые, казалось, перед ним открывались» (*Добужинский М. В. Воспоминания* / Изд. подг. Г. И. Чугунов. М., 1987. С. 201).

¹⁸ Примечательно, что первый поворот был воспринят современниками как должное, тогда как второй и третий вызвали скорее негативную реакцию. См., например, утверждение Розанова: «Его настоящее место было именно около Дягилева, и до могилы — около Дягилева» (*Розанов В. В. Когда начальство ушло... С. 388*) — и недатированное письмо Гиппиус Философову, написанное в 1921 году, после отъезда Мережковских из Варшавы: «Твоя преданность Б. С[авинкову] просто непонятна. (...) я стараюсь понять твое состояние ума, (...) и до какой степени ты под влиянием Б. С., остался ли ты собой? (...) Ты просто следуешь чьим-то другим идеям» (цит. по: *Дюррант Д. С. По материалам архива Д. В. Философова* // Лица: Биографический альманах. М.: СПб., 1994. Вып. 5 / Ред.-сост. А. В. Лавров. С. 448, 449). Ср. в письме Савинкова к Философову от 28 сентября 1920 года: «Не позволяй загнипнотизировать себя твоим поэтическим друзьям» (Там же. С. 455).

личности» представляло собой «первоклассную индивидуальность», своего рода «коллективного гения», «след деятельности которого никогда не исчезнет в истории искусства. Цвет тончайшей культуры — настоящая „Александрия“ ума, вкуса и знаний...».¹⁹ Добужинский писал об эпохе «Мира искусства» как о начальном периоде «Петербургского Возрождения», исключительном «не только по напряженности всего творчества, но, главное, по неповторимой атмосфере, в которой оно протекало».²⁰ Бенуа вспоминал, что лозунгом общества было «чистое и свободное искусство».²¹ Сам Философов воссоздал этот период в автобиографическом эссе 1927 года «Мой путь», ретроспективно определив *profession de foi* «мирискусников»: «Для нас *созидательное восприятие и понимание прекрасного* были высочайшими целями жизни, которые были так далеки от реальных банальностей каждодневной жизни. (...) Вместо грубости языка и выражения мы боготворили изысканность и утонченность. В конечном итоге, мы предпочли равенству его противоположность — аристократический индивидуализм. Из этого следовала некоторая отчужденность писателя от всего человечества — одиночество, которое, в силу его уникальной природы, не позволяло ему найти свое место в этом мире. Мы подчеркнули отчужденность писателя от мирской суеты как знак отличия и заслуги, который выделял писателя, указывая на его превосходство...».²²

С 1898 года объединение издавало одноименный журнал, в котором Философов значился официальным «помощником» Дягилева и редактором литературного отдела;²³ кроме того, он вел раздел хроники (статьи и заметки о событиях литературной, театральной и художественной жизни). Первый номер вышел 10 ноября 1898 года. По утверждению Бенуа, его можно было «в значительной степени считать делом Философова».²⁴ Журнал положил начало литературно-критической, редакторской, издательской, публицистической и журналистской²⁵ деятельности Философова.²⁶ Однако по существу редактируемый им отдел со временем стал не

¹⁹ Перцов П. Литературные воспоминания. 1890—1902 гг. / Вступ. статья, сост., подг. текста и комм. А. В. Лаврова. М., 2002. С. 206, 207.

²⁰ Добужинский М. В. Воспоминания. С. 197. В более поздней статье «Историческая выставка портретов» (1955) Добужинский замечал: «Теперь же, по прошествии 50 лет, в перспективном отдалении, заслуги журнала, всего круга „Мира искусства“ и самого Дягилева особенно ясны: это было обновление нашей художественной культуры, можно сказать, — ее возрождение» (Там же. С. 221).

²¹ Бенуа А. Мои воспоминания. Т. 2: Кн. IV—V. С. 188. В более ранних воспоминаниях Бенуа сформулировал это несколько иначе. Ср.: «Вместо направления у нас царил вкус» (Бенуа А. Возникновение «Мира искусства». Л., 1928. С. 50).

²² Дюррант Д. С. По материалам архива Д. В. Философова. С. 446. Курсив мой. — О. Д.

²³ По мнению Бенуа, литературный отдел, неуместный в художественном издании, появился исключительно благодаря Философову: «Он же добился того, чтобы нашему журналу был придан определенно *литературный* уклон, что также в моих глазах было серьезным дефектом. Будь я во время создания журнала в Петербурге, я бы не допустил такого преобладания *текста над изображениями*» (Бенуа А. Мои воспоминания. Т. 2. С. 228). Ср. противоположную по коннотации точку зрения Перцова о том, что журнал «с самого начала ярко окрасился литературными интересами», чем «был всецело обязан Философову» (Перцов П. Литературные воспоминания. С. 211).

²⁴ Бенуа А. Мои воспоминания. Т. 2. С. 228. Ср. его утверждение о том, что «главными (...) двигателями этого общего труда были Философов и Дягилев» (Там же. С. 229—230).

²⁵ По мнению Коростелева, Философов «и был по преимуществу даже не журналистом, а именно газетчиком, откликавшимся на все и вся и часто не делая скидки на масштаб описываемых явлений, будь то бокс, авиация, аборт или диссертация студента-священника. Поводом для статьи с одинаковым успехом могла стать национальная политика Столыпина, драка Шаляпина, „Электра“ в постановке Мейерхольда или курьезная брошюра „О творчестве женщины“» (Коростелев О. А. Литературная критика Дмитрия Философова. С. 11).

²⁶ Несмотря на обилие периодических изданий, в которых сотрудничал Философов в 1890—1910-е годы, ему так и не удалось обрести свою подлинную трибуну — журнал, позиция которого полностью соответствовала бы его взглядам. См., например, его письмо В. Я. Брюсову от 8 августа 1907 года: «Где я ни пишу — везде мои статьи подвергаются цензуре редакции. (...) Словом, нигде я не чувствую себя „дома“» (Переписка З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковского,

только и не столько литературным, сколько философским и философско-религиозным, что вполне отражало определившийся к тому моменту под влиянием «духа эпохи» спектр интересов редактора. Дягилев, по утверждению Бенуа, абсолютно чуждый литературе и философии, особенно «философии религиозного порядка, т. е. того, что как раз захватывало его двоюродного брата», не сумел противостоять Философову, поскольку «трусил» перед ним и уступал ему чаще всего без споров, «а так как Дима был натурой довольно-таки властной, то эти уступки повторялись постоянно и принимали хронический характер».²⁷ В результате на страницах журнала были опубликованы произведения авторов (Н. Минского, П. Перцова, В. Розанова, Мережковских и др.), чьи идеологические и эстетические позиции противоречили исходной позиции журнала²⁸ и объединения в целом, а сами авторы сделались более или менее регулярными посетителями собраний журнала, в первое время проходивших в редакции, размещавшейся в квартире Дягилева на углу Литейного проспекта и Симеоновской улицы.²⁹

Впрочем, Философов не был единственным из мирискусников, кого волновали проблемы экзистенциально-религиозного характера, хотя именно ему принадлежит заслуга привлечения к сотрудничеству в журнале перечисленных выше авторов и создания в нем отдела, посвященного этой проблематике, что безоговорочно признавали другие сотрудники редакции. «Д. Философову целиком принадлежит честь создания в „Мире искусства“ отдела, посвященного вопросам философического и философско-религиозного порядка; он же всячески стремился этот отдел расширить, что происходило не без сопротивления прочих членов редакции, включая сюда и Дягилева», — писал Бенуа в главе воспоминаний, посвященной Религиозно-философскому обществу и кружку Мережковских.³⁰ Отдел отвечал запросам и других сотрудников журнала, в частности, Бакста, Бенуа и Нувеля, «мучительно заинтересованных» «загадкой бытия» и искавших «разгадку ее в религии и в общении с людьми, посвятившими себя подобным же поискам».³¹

Впоследствии Гиппиус, размышляя о своем и Мережковского сближении с «Миром искусства», сформулировала своего рода мнимую оппозицию, в силу которой становится возможным соединение кажущихся несоединимыми величин: «Искусство, настоящее, какого бы рода оно ни было, к какому бы веку оно ни принадлежало, не может находиться в плане чисто материалистическом. Эстетика в абсо-

Д. В. Философова с В. Я. Брюсовым (1901—1903) / Публ. и подг. текста М. В. Толмачева; вступ. заметка и комм. Т. В. Воронцовой // Российский литературоведческий журнал. 2001. № 15. С. 181).

²⁷ Бенуа А. Мои воспоминания. Т. 2. С. 228, 229. Ср. противоречащую этому мнению сравнительную характеристику Дягилева и Философова периода «Мира искусства» в мемуарной книге Гиппиус «Дмитрий Мережковский»: Дягилев представлен как «прирожденный диктатор», тогда как «его двоюродный брат, Д. Философов, обладая совсем другим характером, скорее пассивным, находился тогда вполне под его властью» (*Гиппиус* З. Ничего не боюсь. М., 2004. С. 73).

²⁸ По прошествии нескольких десятилетий Гиппиус вспоминала о своей и Мережковского близости к кружку «Мира искусства» и к журналу — первому в России «в хорошем смысле» эстетическому художественному изданию, от которого не могла остаться в стороне и новая литература благодаря «широке взглядов новаторов — создателей журнала»; в результате в нем были опубликованы стихи и две статьи Гиппиус, совершенно не подходившие «к главной задаче журнала (что признавалось и автором, и редакцией)», и исследование Мережковского «Л. Толстой и Достоевский», которое «ни в каком тогдашнем русском журнале (из «толстых», как их тогда называли, т. е. «литературных» ежемесячников) не могло появиться» (Там же. С. 70, 71).

²⁹ Подробное описание собраний и их посетителей см., например: *Добужинский* М. В. Воспоминания. С. 199—216. Добужинский утверждает, что днем собраний у Дягилева были вторники, Перцов пишет о четвергах, Гиппиус вспоминает о «дягилевских средах».

³⁰ Бенуа А. Мои воспоминания. Т. 2. С. 288. Ср. воспоминания Гиппиус: «Ал. Бенуа, например, считавшийся и считающийся только эстетом, отнюдь не был тогда этим вопросам чужд» (*Гиппиус* З. Ничего не боюсь. С. 72).

³¹ Там же.

лютно чистом виде тоже не имеет подлинного бытия. Естественно поэтому, что между кружком „Мира искусства” и нами завязались очень дружеские отношения». ³² Не менее естественно, что Бенуа и Бакст, как и Философов, оказались в числе организаторов Религиозно-философских собраний, а к Нувелю Мережковский в январе 1901 года обратился с просьбой поспособствовать привлечению Философова к участию в религиозно-общественных проектах Мережковских; ³³ кроме того, влюбленному в Философова Нувелю была отведена особая роль в борьбе Мережковских за Философова против его кузена. ³⁴ Все вышеперечисленное убедительно свидетельствует о том, что наметившийся уже в годы «Мира искусства» отход Философова от Дягилева обусловлен не только сформировавшимся интересом Философова к «последним вопросам», с одной стороны, и отвечавшим его устремлениям влиянием Мережковских, с другой, но и сложившейся — в первую очередь благодаря усилиям самого Философова — во внутреннем пространстве журнала ситуацией противоборствующего взаимоналожения двух аксиологических установок, из которых ему необходимо было выбрать одну. Он выбрал «аксиологию долга и делания», вынужденно отказавшись от юношеской веры в чистую эстетику, а в автобиографическом эссе 1927 года достаточно четко определил причины своего выбора: «После 1905 года я почувствовал импульс сочетать художественные идеалы с активной деятельностью, объединить их в деле. Это был источник вдохновения и мотивировка, которые поддерживали мой интеллектуальный союз с Дмитрием Сергеевичем и Зинаидой Николаевной и нашу общую безраздельную преданность поставленной цели совершить *духовное возрождение...*». ³⁵ По мнению современного исследователя, «это был тройственный союз интеллектуалов, община собратьев по идеологии», ³⁶ что, казалось бы, предполагает не только единство взглядов, но и равнозначность участников и их равноправие. На практике все сложилось не совсем так — и не только в силу отмеченной выше готовности Философова оставаться в тени, но и по причине сделавшихся со временем очевидными разногласий идеологического и нравственного порядка.

Окончательное слияние с Мережковскими произошло в 1906 году, через два года после того, как журнал «Мир искусства» прекратил свое существование, однако путь Философова к этому решению, который вполне допустимо определить как путь нелегкого поиска своей интеллектуальной и духовной идентичности или выстраивания личности «по вертикали», начался значительно раньше. Знакомство с Мережковским состоялось в декабре 1893 года, когда Философов путешествовал по Италии, и первое впечатление от встречи было более чем негативным: «Вот хам-то и гадина. Разговор только о том, как он разговаривал с разными дюками и дюкесами», — писал Философов Бенуа 18 декабря 1893 года. ³⁷ Отношения сделались более тесными с началом сотрудничества Мережковских в «Мире искусства», а в 1898 году завязалась переписка Гиппиус и Философова. ³⁸ Осенью 1899 года Фило-

³² Там же. С. 67.

³³ Весьма показательна представленная в письме характеристика Философова: «Философов (...) достаточно внутренне тонок и чуток, несмотря на свою внешнюю (притворную иногда и даже неискреннюю притворную) грубость и глухоту» (*Соболев А. Л. Мережковские в Париже (1906—1908) // Лица: Биографический альманах. М.; СПб., 1992. Вып. 1 / Ред.-сост. А. В. Лавров. С. 329*).

³⁴ Подробное об этом см.: *Бенуа А. Мои воспоминания. Т. 2. С. 288—293; Соболев А. Л. Мережковские в Париже. С. 328—329; Гиппиус З. 1) Ничего не боюсь. С. 76 (Нувель не назван здесь по имени, а представлен как «один из членов дягилевского кружка»); 2) О бывшем (1899—1914) // Гиппиус З. Дневники: В 2 т. М., 1999. Т. 1 (по указ.)*.

³⁵ *Дюррант Д. С. По материалам архива Д. В. Философова. С. 446. Курсив мой. — О. Д.*

³⁶ *Гончарова Е. И. «Революционное христовство». С. 8.*

³⁷ Цит. по: *Соболев А. Л. Мережковские в Париже. С. 327.*

³⁸ Частично опубликована (см.: *Пахмус Т. А. Страницы из прошлого: Переписка З. Н. Гиппиус, Д. В. Философова и близких к ним в «главном» // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник. 1997. М., 1998. С. 70—101*).

софов стал первым, кого Мережковские посвятили в Главное — в свой проект создания новой церкви; вторым оказался Розанов, см. запись Гиппиус в дневнике «О Бывшем»: «И было у нас два разговора: один с Дмитрием Владимировичем Философовым, а другой с Василием Васильевичем Розановым. Оба они мысль о Церкви приняли к сердцу, хотя и не одинаково, а **каждый сообразно своему существу**. Розанов все потерял, кроме жизни, искал, но не знал, хочет ли принять Христа. Философов ничего не имел, искал и хотел бы принять Христа».³⁹ 29 марта 1901 года, в Великий Четверг, в квартире Мережковских состоялась первая тайная литургия, задуменная как свадебный обряд с причащением Святыми Дарами: все трое сняли кольца, связанные с предыдущими отношениями, и заменили их надетыми друг на друга крестами в знак венчания втроем.⁴⁰ 29 ноября 1901 года открылись Религиозно-философские собрания; на втором заседании обсуждалась «Записка» Философова, в которой определялось «единственно возможное» с точки зрения модальности долженствования содержание предстоящих бесед: «Сначала выяснение, что такое *настоящая*, неискаженная Церковь и *настоящее*, неискаженное общество, а затем — интересы этой *настоящей* Церкви и *настоящего* общества».⁴¹ Духовное изначально оказывается для него неразрывно связанным с этическим и социальным, при этом этическому совершенно очевидно отдается первая роль.

Однако осенью союз распался: Философов вернулся к Дягилеву, и они совершили еще одно совместное путешествие по Европе;⁴² правда, в 1903 году он возвратился к Мережковским, но их совместная жизнь началась лишь после прекращения Религиозно-философских собраний, поражения «триумvirата» в журнале «Новый Путь»⁴³ и революции 1905 года. История отношений с Мережковскими весьма показательна для понимания того, как тесно переплетены были в личности Философова стороны интеллектуальная, эстетическая, нравственная, религиозная и социальная, действовавшие в режиме взаимодополнения и взаимозамещения (вытеснения): рационализированное представление о должном духовном и социальном преображении перерастало в глубокую убежденность в необходимости и возможности его достижения, что в свою очередь понуждало Философова снова и снова, вопреки эстетическому и психологическому неприятию и прямому физиологическому отторжению,⁴⁴ возвращаться к Мережковским, союз с которыми до определенного времени осознавался им как единственный путь обретения религиозно-социальной гармонии. Во имя этой гармонии Философов был готов добровольно совершать насилие над собой и принимать желаемое за действительное, не понимая или не позволяя себе понять всю утопичность проекта, очевидную для его друзей-мирискусников. Обманувшись в возможности сочетать эстетические идеа-

³⁹ Гиппиус З. Дневники. Т. 1. С. 90 (запись 1899 года). Выделение полужирным мое. — О. Д.

⁴⁰ Подробное описание см.: Там же. С. 95—100.

⁴¹ Записки петербургских Религиозно-философских собраний. С. 32.

⁴² Некоторое время они провели в клинике Крафт-Эбинга в Граце, в связи с чем Матич высказывает предположение, что «Философову пришлось обратиться в клинику Крафт-Эбинга из-за последствий предпринимавшихся им попыток обуздать свое гомоэротическое желание, пока он жил с Мережковскими» (Матич О. Эротическая утопия. С. 205).

⁴³ Журнал «Новый Путь» был создан в 1902 году и просуществовал до 1904 года. С июня 1904 года Философов являлся официальным соредктором П. Перцова, с июля — главным редактором. Подробнее о журнале и деятельности Философова в нем см.: Максимов Д. «Новый путь» // Евгеньев-Максимов В., Максимов Д. Из прошлого русской журналистики. Л., 1930. С. 131—254; Письма З. Н. Гиппиус к П. П. Перцову / Вступ. заметка, подг. текста и прим. М. М. Павловой // Русская литература. 1991. № 4. С. 124—159; 1992. № 1. С. 134—157; Корецкая И. В. «Новый путь». «Вопросы жизни» // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX — начала XX века. 1890—1904. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1982. С. 179—233; Коростелев О. А. Литературная критика Дмитрия Философова. С. 8—9; Колеров М. Не мир, но меч: Русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех»: 1902—1909. СПб., 1996. С. 69—89.

⁴⁴ Подробнее об этом см.: Матич О. Эротическая утопия. С. 205, 212—214.

лы с социальными,⁴⁵ он искренно уверовал в возможность примирить последние с духовными и тем самым разрешить неразрешимые по определению апории.

В связи с этим весьма примечательны пассажи в воспоминаниях Бенуа, описывающие неизбежно наступившее разочарование в Собраниях⁴⁶ и попытки «каким-то „более домашним”, более интимным образом войти в религиозное общение» друг с другом и «с церковными людьми».⁴⁷ Одна из таких попыток — совместное чтение Евангелия — почти сразу всеми была воспринята как нечто надуманное, некое искусственное насилие над собой и прекращена. И только Философов «остался и после того в убеждении, что следовало продолжать, что на этом пути мы бы наконец все же обрели нечто истинное. Философов был вообще тогда убежден, что и под историческим христианством лежит насильственное воздействие над собой, известное самовнушение группы лиц, что все дело в создании известной *традиционности*, хотя бы „источник традиции” и не обладал полнотой подлинности и убедительности».⁴⁸ В 1923 году, переоценивая себя в «эпоху Мережковских», Философов в письме к М. Арцыбашеву вынес себе и бывшим соратникам безжалостный приговор: «Я также с раскаянием смотрю на свое прошлое и чувствую, что у нас была совершенно ошибочная концепция идеалов и слияния этих идеалов с жизнью. Такой человек, как Дмитрий Сергеевич Мережковский, рассматривает идеалы, как бестелесные понятия, которые не влекут никакой ответственности. Он не чувствует никакого принуждения к тому, чтобы примирить их с деятельностью — то есть слить воедино мысли и дела. Я же не таков».⁴⁹

В 1906—1908 годах Мережковские и Философов совершили путешествие во Францию, рассматривая его как опыт совместного уединения,⁵⁰ мысль о котором первоначально появилась у Философова еще в июле 1904 года: осознававшееся как необходимое совмещение «внешнего» ухода от суетного мира с «внутренним» он расценивал для себя как «подвиг», но «подвиг с результатом».⁵¹ Во Франции был написан сборник «Царь и революция»,⁵² включивший статьи всех троих.⁵³ Другое совместное литературное предприятие тех лет — пьеса о революции 1905 года «Макков цвет» (1908). Современные исследователи усматривают в статьях Мережков-

⁴⁵ См. пассаж в автобиографическом эссе 1927 года о «юношеской наивности», в силу которой Философов задавался вопросом «Почему бы обществу не придерживаться художественного стиля? Почему бы государству не быть воплощением прекрасного? Почему поэтические стандарты не могут быть применены в нашей современной жизни?» (*Дюррант Д. С.* По материалам архива Д. В. Философова. С. 447).

⁴⁶ Ср.: «Сначала (...) эти собрания (...), возбудившие сразу общественный интерес, были очень „содержательны”, и за этот период они получили для многих участников большое значение. Однако с течением времени они стали приобретать тот характер суесловных говорилен, на который обречены всякие человеческие общения, хотя бы основанные с самыми благими намерениями. (...) Постепенно увлечение нашей основной группой религиозно-философскими собраниями стало ослабевать и интерес к тому, что говорилось (именно говорилось) в собраниях, — падать» (*Бенуа А.* Мои воспоминания. Т. 2. С. 290, 291).

⁴⁷ Там же. С. 291.

⁴⁸ Там же. С. 291—292.

⁴⁹ *Дюррант Д. С.* По материалам архива Д. В. Философова. С. 448 (письмо из Отвоцка от 15 августа 1923 года).

⁵⁰ Ср. в письме Гиппиус к Е. Дягилевой от 11 августа 1905 года: «Пережить полосу *совместного* уединения и для совместного обращения к Богу, приближения реального к Нему — вот что нам сейчас нужно» (*Соболев А. Л.* Мережковские в Париже. С. 334).

⁵¹ См. его письмо Гиппиус от июля 1904 года: *Злобин В. А.* Тяжелая душа. Вашингтон, 1970. С. 59—60.

⁵² *Merejkowsky D., Hippus Z., Philosophoff Dm.* Le Tzar et la Révolution. Paris, 1907; второе издание: *Der Zar und die Revolution.* München und Leipzig, 1908; первое русское издание: *Мережковский Д., Гиппиус З., Философов Д.* Царь и революция: Сб. / Первое русское издание под ред. М. А. Колерова. М., 1999. В книгу, открывавшуюся предисловием Мережковского, вошла его статья «Религия и революция», а также статьи Гиппиус «Революция и насилие» и «Истинная сила царизма» и Философова «Царь-Папа».

⁵³ Об истории создания и издания книги см.: *Павлова М.* Мученики великого религиозно-политического процесса // Царь и революция. С. 7—54.

ского и Гиппиус влияние Философова и круга эсеров, с которыми Мережковские сблизились в Париже и которых пытались приобщить к своей религии.⁵⁴ Особое место в этом кругу занимал Савинков, с которым все трое вступили в переписку и достаточно тесные отношения, продолжавшиеся до 1923—1924 годов.

В годы «добровольного изгнания» Философов как парижский корреспондент сотрудничал в газетах «Страна» (март—сентябрь 1906 года), «Товарищ» (с сентября 1906 года), «Столичная почта» (с января 1908 года), «Московский еженедельник» и «Речь» (в обеих — с апреля 1908 года; сотрудничество в «Речи» продолжалось до августа 1918 года, хотя с октября 1917 года газета, официально запрещенная новой властью, выходила под другими названиями); иногда печатался в «Русской мысли», в журналах «Золотое руно» и «Перевал»;⁵⁵ по возвращении издал в России три сборника своих статей, заметок, рецензий и других откликов на представлявшиеся ему злободневными события литературной, общекультурной, художественной, политической, религиозной, церковной жизни. При всем разнообразии тематики и непосредственных поводов к написанию, тексты Философова объединены проблематикой, ракурсом авторской трактовки, выраженной публицистичностью и полемичностью — факторами, обусловленными складом личности и персональной аксиологией Философова, что позволяет рассматривать их как некое эстетическое и художественное целое, своего рода совокупный артефакт эпохи, весьма значимый и сугубо индивидуальный. Проблемы, к которым обращается Философов: мечта и действительность, воля и безволие, гений и талант, вера и безверие, героизм и обывательство, целостное мирозерцание, тенденциозность в литературе и мн. др., — суть в основе своей проблемы эстетического порядка, поверенные, однако, этикой долга и прагматикой современности и воплощенные в тексте в рамках той стилистики, от которой Философов не отступал никогда. В силу этого сложившееся представление о нем как о рупоре идей Мережковских вряд ли соответствует действительности, хотя известно, что он не оспаривал этого мнения и не особенно ценил свое литературное имя,⁵⁶ до определенного момента предпочитая оставаться в тени Мережковских, несмотря на все внутренние противоречия «троебратства».

Положение изменилось в 1913 году, когда личный кризис в отношениях Философова и Гиппиус совпал с его разочарованием в возможности воплощения объединившей их идеи «новой религиозной общественности». В недатированном письме к Гиппиус лета 1913 года Философов заявляет: «Наш коллектив есть только *символ*, воплотить который без народного движения мы не только *не в силах*, но и *не в праве*».⁵⁷ В этой фразе в предельно сжатой формуле отражено произошедшее в реальной жизни столкновение эстетического, экзистенциального и этического, испытания которым «триумвират» не выдержал: и религиозный, и эротический эксперименты завершились неудачей, отрицать которую и продолжать обманывать себя уже не представлялось возможным. Однако Философов оставался с Мережковскими на протяжении еще шести с лишним лет. В 1916 году к ним присоединился В. Злобин, ставший личным секретарем, верным другом и союзником Гиппиус до ее смерти в 1944 году. В 1919 году все четверо эмигрировали в Польшу, где пути Философова и Мережковских окончательно разошлись. Мережковские и Злобин в

⁵⁴ Об отношениях с эсерами см.: «Революционное христовство»: Письма Мережковских к Борису Савинкову. С. 98, 101, 112—113, 162, 171, 176 и др. О пребывании во Франции см.: Соболев А. Л. Мережковские в Париже. С. 319—371.

⁵⁵ Список опубликованных в этих и других изданиях статей и заметок Философова см.: Философов Д. В. Критические статьи и заметки. С. 644—658 (раздел «Материалы к биографии»).

⁵⁶ См. письмо к Брюсову от 8 августа 1907 года, в котором Философов утверждает, что «не придает значения своему литературному имени» (Российский литературоведческий журнал. 2001. № 15. С. 180).

⁵⁷ Цит. по: Матич О. Эротическая утопия. С. 215—216. Курсив мой. — О. Д.

1920 году уехали в Париж, Философов остался в Варшаве. Начался новый и последний период его жизни, прошедший под знаком политического активизма, основанного на эстетическом представлении о красоте подвига самоотречения и этическом — о Долге. По мнению сестры Философова З. Ратьковой-Рожновой, «в Варшаве родился другой Дима. На некоторое время искусство перестало существовать для него, борьба с людским злом интересовала его полностью...».⁵⁸ Это утверждение, однако, не вполне верно: в Варшаве изменился не Философов, а внутренняя конфигурация той системы ценностей, с которой он считал необходимым соотносить свои решения и поступки. В связи с этим более корректной представляется другая фраза из письма его сестры: «Идеалист был, идеалистом и остался».⁵⁹

⁵⁸ Дюррант Д. С. По материалам архива Д. В. Философова. С. 445.

⁵⁹ Там же.

DOI: 10.31860/0131-6095-2018-3-196-233

ФЕДОР СОЛОГУБ. ЗАКЛИНАТЕЛЬНИЦА ЗМЕЙ. КИНОДРАМА*

(ПУБЛИКАЦИЯ © А. В. СЫСОЕВОЙ)

Игровое кино в России после первого фильма 1908 года «Понизовая вольница» стремительно развивалось, кинофирмы в конкурентной борьбе снимали десятки картин в год. Серьезным преимуществом нового искусства было его широкое распространение. Как вспоминал артист той эпохи А. И. Бек-Назаров, «не во все уголки необъятной России доходила тогда книга. До смешного было мало библиотек. И как ни обкрадывалось литературное произведение в кино, сам факт его экранизации возбуждал интерес к нему».¹

В издании «Великий кинемо. Каталог сохранившихся игровых фильмов России. 1908—1919» (М., 2002) не назван ни один фильм по мотивам произведений Сологуба. В то же время, судя по справочникам, воспоминаниям, письмам и заметкам в прессе, на экран вышли картины «Слаще яда», «Лик зверя» и, вероятно, «Мелкий бес».

Появление фильма «Слаще яда», переписка по поводу инсценировки в кино романа «Мелкий бес» могли подтолкнуть писателя к созданию сценариев, так как это позволяло ограничить чужое вмешательство в замысел произведений. Важным фактором, усилившим внимание Сологуба к кино, был его интерес к научным открытиям.² Он пользовался техническими новинками — телефоном, печатной машинкой, фотоаппаратом. Писатель включал элементы научной фантастики в свои произведения (так, герои романа «Творимая легенда» обладали беспроводной мгновенной связью и путешествовали на летающем аппарате с радиоактивным топливом). Конечно, мимо писателя не могло пройти и появление движущихся картин.

Сологуб принял участие в работе над фильмами по рассказу «Лик зверя», по повести «Барышня Лиза», по романам «Творимая легенда» и «Заклинательница змей».³

* Исследование подготовлено при поддержке проекта РНФ № 14-18-01970 «Создание международного научно-информационного портала „Документальное наследие русской литературы: источники и исследования”».

¹ Бек-Назаров А. Записки актера и кинорежиссера. М., 1965. С. 72.

² В его библиотеке есть, например: Новые идеи в физике: В 3 сб. / Ред. проф. И. И. Боргман. СПб.: Образование, 1911—1912 (см.: Библиотека Ф. Сологуба (описание) / Сост. Н. Н. Шаталина. Рукопись // ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. № 184. Л. 99).

³ К освещению работы писателя в кино уже обращался ряд ученых, см.: Нусинова Н., Цивян Ю. Сологуб-сценарист // Киносценарии. 1989. № 2. С. 151—157; Фееральский А. В. Пути к